

№ 5

3 июля

5 коп.

ЗРИТЕЛЬ

ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДПЛЬНО.

1905.

ПЛАНЫ, ЧЕРТЕЖИ, СМѢТЫ

И ПРОЧІЯ АРХИТЕКТУРНЫЯ РАБОТЫ ИСПОЛНЯЮТСЯ

СКОРО, ДЕШЕВО И ДОБРОСОВѢСТНО.

ПИСЬМЕННО:

Новая Деревня, 1-ая линия, 169. Ф. В.

МОДЕЛЬ

деревянной 2-хъ этажной дачи
дешево продается.

По Ник. жел. дор.

Станція Славянская, № 26,
Трунова. (лично).

См. № 6.

Московскій книжный магазинъ „ТРУДЪ“.

Петербургъ, Невскій, 60. * Москва, Тверская, 38.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Беллетристика.

Французъ. Борьба за право	2 р. — к.
Вейничъ. Оповідь	80 »
Визовъ. Подъ игомъ	50 »
Дюма-палео. Спартакъ	1 » — »
Емъ. На разсѣтѣ	40 »
Мирбо. Жанъ и Мадлена	10 »
Зеля. Узловомъ	1 » — »
Сваерогъ. Шербекскіе выборы	50 »
Эрманъ-Шатриакъ. Исторія кресты- никова	20 »
Гра Ф. Марселяди	35 »
„Гарибалдійци“	15 »
Танъ. Стихотворенія	60 »
Пѣсни свободы	60 »

Государственное право.

Народное представительство. Мускат- бани	р. 7 к.
Всѣобщее избират. право. Водопольова	8 »
Сущность конституцій. Ласалла	7 »
Декларация правъ. Заванева	15 »
Нонституціонное государство. Сборникъ	75 »
Европейскія избирательныя системы. Пифферти	1 » 25 »
Правительства и политическія партіи Дюваля	2 » — »
Политическій строй. Сборникъ	3 » — »
Прошлое и настоящее констит. государ- ство. Вильсона	3 » 75 »
Тексты конституцій. Коковина	40 »
Новое ученіе о государствѣ. Менгера	1 » — »

Исторія.

Наутскій. Противорѣчія клас. интеро- сово	р. 20 к.
В. Б. На рубежѣ XIX ст.	2 » — »
Оларъ. Исторія фр. революціи	3 » — »
Минъ. Исторія фр. революціи	1 » — »
Очерки по исторіи Германіи XIX в.	2 » — »
Зомбартъ. Соціализмъ и соц. дѣл.	1 » — »
Бернштейнъ. Обществ. движ. въ Англіи XVIII в.	1 » 50 »
Иетень. Соціализмъ въ Англіи	1 » 50 »
Миллюковъ. Очерки по исторіи русской автоц.	2 » — »
Макотинъ. Изъ исторіи русскаго обще- ства	1 » 50 »
Пыльиъ. Очерки обществ. движенія при Александрѣ I.	3 » — »

Рабочій вопросъ.

Буржуазія, пролетаріатъ и коммунизмъ. Маркса и Энгельса	р. 10 к.
Пролетаріатъ и общество. отрой. Кауц- скаго	60 »
Къ рабочему вопросу въ Россіи. Про- коповича	1 » — »
Сочиненія Ласалла, т. I	1 » 25 »
Письма Ласалла къ Марксу и Энгельсу	1 » 50 »
Наежный трудъ и капиталъ. Маркса	10 »
Экономическое ученіе Маркса. Наут- скаго	20 »

Магазинъ доставляетъ книги на домъ.

Записочка шлюхи.

Литическое сравнение.

- Я никогда не подписываюсь на женские издания!
 — Почему же? Есть очень хорошие!
 — Я люблю такие, за которыми много положительного. Например, «Московские Ведомости» и другие. Они, выражаясь литически, стоят среди женской прессы, какъ дубы по убывающимъ и выходящимъ по существованию дубы...
 — Пожалуй! Но не безызвестно, что отъ дубовъ происходят жолуды, каковые служатъ пищею для омышей!

Новый отдых.

- Сувениръ завезъ въ галерей новый отдых!
 — Какой же?
 — «На каждый день». Это нечто въ родѣ афоризмовъ!
 — Что же тамъ пишется?
 — Вотъ, напримеръ, въ Гейне: «только драки природы вытравляются отъ революцій.»
 — А-а! Это ось на свой счетъ прохаживается.

ОТРЫВКИ ИЗ СУПРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

Отъ Антипа Акакіевича къ Степанидѣ Митрофаньевнѣ.

— Умолю тебя, матушка моя, пиши мнѣ обо всемъ, такъ какъ моя любознательность тебѣ досконально извѣстна. Къ чему же ты понимаешь мое волненіе, шлешь естественное по шнѣшнимъ временамъ, когда нельзя поручиться не только за завтрашній, но даже за вчерашній день. Утѣдомляю тебя, что наша Буренка отелася «Верхювосткой». Пусть и скоты своими именами напоминаютъ современность нашу, заставляющую насъ даже въ частной перепискѣ не говорить всего, что вообще воспрещено ненатурными условіями.

Твое Антимъ.

Отъ Степаниды Митрофаньевны къ Антипу Акакіевичу.

— И умолюю тебя, Антипушка, что я попала въ страшную передряку. На вокзалѣ городской мнѣ выдали какой-то желтый №, какой номеръ былъ принятъ мною за столичный паспортъ. Однако, оказывается, что сей знакъ есть знакъ извозчика, даровааннаго мнѣ судьбою, и по существующимъ законоположеніямъ, я должна была сѣсть именно на того извозчика, который мнѣ достался. Едва я успѣла найти гостиницу и внести свои вещи, какъ ко мнѣ явился человекъ и потребовалъ отъ меня паспортъ. Пришлось открывать всѣ сундуки и достать его, ибо иначе я подверглась немедленному водворенію въ мѣсто моего постоянного жительства. Устроившись въ гостиницѣ, я пошла осматрѣть городъ, но съ полдороги воротилась. Напрасно ты (нижиско неразборчиво)...

Отъ Антипа Акакіевича.

— Мою тебя, подишикъ на самую передовую газету. Зѣбѣс, кромѣ епархіальныхъ вѣдомостей, ни одного порядочнаго органа не имѣется, «Верхювосточка» подрастаетъ и шлетъ тебѣ низкій и почтительный поклонъ. Изъ нея выработается отличная корона.

Отъ Степаниды Митрофаньевны.

— На передовую газету подписаться не было никакой возможности. Зашла я утѣшиться въ контору «Новаго Временя» и стала въ хлостъ. Стоять люди разныхъ знаній и ждуть. Наконецъ, добралась я до окошечка. «Вамъ, говорятъ, объясненіе о покойникѣ надо?» Меня даже оторвать изъла. Я прочь да къ другому окошку, а тамъ меня спрашиваютъ: «Вы на мѣсто назначаетесь?» Я поняла, что, по своему невѣжеству и неопытности, зашла въ контору для найма прислуги или въ похоронное бюро. А потому сочла за болѣе благоразумное уйти изъ конто-

ры, тѣмъ болѣе, что въ толпѣ говорили, что газета эта перестала быть передовою. Это говорили кухарки и горничныя и при этомъ весьма носились самого хозяина конторы, какого-то Суворова. Не родственникъ ли онъ знаменитому полководцу? Вотъ времена-то: предокъ войска водилъ, а потомокъ кухарокъ называетъ и факельщикомъ содержить. Все мелькаетъ. Завтра пойду по канцеляріямъ...

Отъ нея же.

— Дрожайшій Антипушка! Чувствую, что мои нервы напрягаются до послѣдней степени. Всѣ канцеляріи очень завалены дѣлами, а потому на меня никто не обращаетъ вниманія. Да это бы еще ничего. Дѣло въ томъ, что за мною ходятъ какіе-то люди и не даютъ мнѣ ступить шагу. Не знаю, что имъ надо: возрастъ мой — болѣе, чѣмъ почтенный, изъ себя я не изъ красивыхъ. Что имъ надо, — не понимаю... Какъ телла-то?

Отъ нея же.

— Теперь я все понимаю: оказывается въ Питерѣ твоя дѣятельность, какъ земскаго начальника, довольно извѣстна. Ко мнѣ сегодня приходилъ интервьюеръ отъ одной газеты и сталъ меня допрашивать. Оказывается, ты занесенъ въ число крайне либеральныхъ людей. Тобой интересуются въ петербургскіе жители и, говорятъ, ты будешь избранъ въ народные представители. Откуда она это узнала?..

Отъ нея же.

— Все оказалось недоразумѣемъ. Твою фаніюлю смѣшали съ фаніей одного настоящаго либерала. И теперь всѣ газеты полны статьими по поводу будто бы твоего самозванства. Я отправилась, по совѣту знакомаго чиновника, къ редактору одной изъ передовыхъ газетъ «Сибтъ» и просила редактора взять меня подъ защиту. Онъ обѣщалъ и снабдилъ меня стихами генерала Нахичоиска, Нельзя читать ихъ безъ слезъ. У меня этихъ стиховъ теперь цѣлая тѣка. Отправлю его къ тебѣ малой скоростью. Они очень тяжеловѣсны. Вызказо черезъ нѣсколько дней. Я пришла къ убѣжденію, что нездѣ въ Россіи тихо и спокойно. Какъ-то такъ моя теллочка? Заорала ли она? Цѣлую тебя въ плѣчку.

Отъ него къ ней телеграмма.

— Степа. Стихи конфиксованы за неблагонадежность. Присл «Сибтъ» изтребовать ихъ обратно. Сосѣди за что-то перестали клаветься. Вызжай.

Отъ нея.

«Сибтъ» обратно свой товаръ не принимаютъ. Смирись. Судьба.

Новая вѣсти объ эскадрѣ

«Спасательный» катеръ «Свѣтъ» подъ командой генерала-отъ-мракобѣсы Комарова продолжаетъ блуждать во «тьмѣ». Суденшко меньше коварнаго носа, тѣмъ не менше старается высадить десантъ въ количествѣ черной сотни. Самою дрейфитъ, но «генераль» не смущается никакими поражениями (поэтому, надо полагать, не обрадуется и побѣдам); питается однимъ киселем; ходитъ въ сарафанахъ, уюмна, однако, кого сбавдуютъ: «не шей ты нѣб, матушка, «красный» сарафанъ.

* * *

Ковчегъ «Киевлянинъ» идетъ въ одной колоннѣ съ «Гражданиномъ», прачежь старается даже про-виж-уться еще болѣе назадъ, чѣмъ его тиловою корабль.

* * *

Медкислящій пароходъ «Слово» держится въ центрѣ; ходъ утѣренный, такъ какъ машины питаются «сырымъ, вѣтрямъ» паромъ, а механизмы приводятся въ движение «сыромятни-ни» ревями. Кроме того, везетъ грузъ «шиповъ». Состоящій на суднѣ инженеръ-метеорологъ предсказываетъ бурную, разрушительную погоду. Экипажъ обезпеченъ продовольствіемъ, такъ какъ на борту большой запасъ «быковъ»; боевой вѣтъ команды поддерживается ежеднев-ною дачею «першова».

* * *

Броненосецъ «Русь», временно задер-жанный, какъ уже сообщалось, на явнѣ, поручить обстрѣлкинѣ своего района броненосцу «Наша Жизнь». Команды обоихъ судовъ бра-таются.

ТЕРРИДОРЪ (В. С.).

Вороны и Соловьи

(Взена).

Прослышавъ однажды Соловья,
Что Вороны къ клѣстамъ летали,
Про болести, про горести свои,
Про все клѣстамъ подробно разсказали;
Повѣдали, что птица въ нѣмѣ жить,
Что негдѣ голову склонить,
Что хищники по дѣсу вѣчно рыщутъ,
И что не только птичьесъ лѣзутъ.

Но даже ящери не брезгаютъ ничуть
И забываютъ всякое прѣчище,
Что усть несли ни охлуть, ни вдохнуть,
Что скоро быть обнѣжетъ царство птичьесъ.

Соловьины, прослышавши о томъ,
Подняли воли, крикъ... содомъ!
И парализъ такъ своей души величье:

«— Да кто уполномочилъ ихъ,

Ихъ,— Вороновъ лѣбеевъ,

Отъ тогда еднъ живыхъ,

Завѣдомыхъ злодѣевъ,

Которыхъ за явнбу въ грабѣжъ.

Давно пора бы на правесъ!

Ужонъ карнавомъ вороньимъ непристойнымъ

Властижъ достойнымъ

Про птичьа пужды жовно разсказатъ?

Ихъ ядѣ гнать,

Туда, гдѣ пахлетъ лѣомъ хвойнымъ,

Гдѣ мѣсто элементъ неспокойныхъ!»

И возгнѣ за тѣмъ Соловьики тотчасъ

Избрали депутата—

Пѣвонъ, вѣбѣтыхъ хвостовъ,

И дали имъ такой наказъ:

Проститъ всѣхъ Вороновъ считать за суноставовъ

И ужалитъ клѣстой—

Сослатъ бутоньшомъ за тридѣвѣтѣ волю,

А ихъ самихъ вернуть домой съ отличенъ!

И жиръ тогда наступитъ въ царствѣ птичьесъ!

Отправившесъ въ дорогу Соловья

И повислы прѣраисне свои

Клѣстамъ въ ртѣдахъ страстныхъ влошнѣ.

Ихъ выслушали такъ,

Улыбкой даже наградили,

Но...

Нетужъ не жалю вамъ,

Что въ клѣткѣ ихъ поить не посадили?

ЧУЖЬ-ЧУЖЕВИТЬ

О рѣкѣ Оринокъ и рыболовствѣ въ оной

Макаръ Макаровичъ Телятовъ, послѣ своего возвращенія въ Петербургъ изъ вѣсть не столь отдаленныхъ, но уже запечатанныхъ «интеллигенцией», волей-неволей принужденъ былъ обратиться къ литературному труду.

Нельзя сказать, чтобы этотъ трудъ прихотился ему по душѣ, нельзя сказать, чтобы Макаръ Телятовъ не обладалъ литературными и публицистическими способностями. Но писательство во всѣхъ видахъ и формахъ не терпѣтъ, хотя-бы потому, что пострадалъ именно за писательство.

Дѣло въ томъ, что Макаръ Телятовъ былъ человекъ нервный и умѣлъ чувствовать сильно, а потому и въ его писаньяхъ сквозилъ духъ нервозности и неуравновѣшенности.

Всѣ окружающіе ему не разъ товарищали:

— Эй, Макаръ, не пиши, не губи ты свою душу!

А Макаръ отвѣтствовалъ:

— Не могу не писать, потому что всѣ мои фибры жаждутъ высказаться и завыть... Я негодую и ненавижу... Не-на-вижу-у-у!

Онъ сжималъ кулаки, потому бѣжалъ къ столу, и черезъ полчасъ передъ нимъ лежали испианные кровью сердца листки бумаги.

Макаръ не рѣшался носить свои произведенія въ редакціи, ибо понималъ, что редакция — тотъ же департаментской кабинетъ, гдѣ весьма осязательно чувствуется начальническое усмотрѣніе.

И тѣмъ не менѣе, несмотря на это, Макаръ потерпѣлъ за свое писанье. Писалъ онъ, писалъ и пряталъ свои творенія въ столъ.

И однажды, когда пришли «посторонніе» люди и стали рыться въ его столѣхъ, хотя Макаръ и кричалъ, какъ зарѣзанный:

— Довѣ мой—крѣпость моя!

Тѣмъ не менѣе бумаги забрали, а его самого отправили въ «казенную командировку», безъ полученія прогонныхъ денегъ, но съ «аттестацией».

Такъ пострадалъ Макаръ Телятовъ.

Когда же, наконецъ, командировка въ страну не столь отдаленную закончилась, и Телятовъ былъ отпущенъ въ безсрочный отпускъ на свое излѣченіе, но безъ права вѣзда, а, следовательно, и вѣзда изъ столицъ и въ столицу, — тогда Телятовъ посмотрѣлъ кругомъ и въ первый разъ увидѣлъ, что жена и трое ребятигъ открываютъ рты и показываютъ на оные.

При такихъ условіяхъ Макаръ Телятовъ рѣшился заняться литературною дѣятельностью и поступить въ вѣдѣнство департамента литературныхъ и журнальныхъ дѣлъ. Говоря просто, сталъ писать статьи въ одну передовую газету.

При этомъ Макаръ Телятовъ разсуждалъ не безъ остроумія:

— Если,—говорилъ онъ,—меня сдѣлали туристомъ за непечатныя произведенія, то, быть можетъ, я останусь на вѣсть, когда мои произведенія стануть печататься!..

Макаръ сдѣлалъ журналистомъ. Онъ изобрѣлъ себѣ такой псевдонимъ, который ни не рѣшился открыть, но который совершенно не давалъ возможности угадать въ немъ Макара Телятова.

Макаръ Телятовъ сталъ писать почти ежедневно. При одномъ изъ подобныхъ писаній мы имѣли несчастіе присутствовать, и о семъ именно мы и хотимъ повѣдать нашимъ читателямъ.

Прѣхали я къ Макару, когда онъ только что кончилъ обѣдъ.

Глаза его казались осоловѣвшими, самъ онъ хрюпѣлъ почти вслухъ и вообще видъ его былъ дикій и ужасный.

Макарь извинился и пригласил было на кушетку, как вдруг его жена подбжала к нему и стала его тормозить.

— Пиши, Макарушка!—говорит.—Пиши, ради Бога, сейчас. А то и нас, и себя погубишь! Я заинтересовался, как же может писать человек в состоянии полусна.

Однако, Макарь встал, подошел к столу и стал писать.

Клиусь, он хранил во время писанин. И мнѣ самому страшно хотѣлось спать при видѣ этого.

Не прошло однако и получаса, какъ статья была готова, и Макарь стал его выправлять.

Я попросил его прочесть статью.

Макарь ухмыльнувшись, подошелъ къ окнамъ, закрыл ихъ, притворилъ двери, поводитъ носомъ во воздуху и сталъ читать.

Съ первыми же строками попалъ на меня ланчическій страхъ. Все, что онъ написалъ, было такъ ужасно... и даже не ужасно, а именно страшно... и даже не страшно, а этакъ... ну, какъ бы сказать, этакъ ужасающе нецензурно.

Я крикнулъ:

— Не надо! Пожалуйста, не надо! Сдѣлай милость, не надо!

Прибжала Макарова жена и въ слезахъ стала причитывать:

— И что ты, сибгъ-Макарушка, дѣлаешь? На кого ты насъ покида-а-ешь?

Макарь встрепенулся и быстро сжегъ рукопись.

Я успокоился, а Макарь опять сѣлъ писать.

Я хотѣлъ было его остановить, но онъ неуловимо водилъ рукою по бумагѣ, а Макарова жена шептала мнѣ:

— Пусть пишеть! Видь, я стерегу, чтобы никто не вошелъ... Онъ этакъ напишетъ до вечера, а тамъ на него и настоящее вдохновеніе найдетъ...

Я покажъ плечами и черезъ полчаса опять заглянулъ къ Макару. Онъ опять сталъ мнѣ читать, и хотя на этотъ разъ статья была уже не такъ ужасна, но все-таки въ ней было много такого, что никонимъ образомъ не могло всагаться со всѣмъ тѣмъ, что мы переживаемъ.

Я зажаль уши, а Макарова жена собственноручно сожгла и эту рукопись.

Только поздно ночью статья была окончательно готова. Макарова жена самовольно просмотрѣла рукопись, вычеркнула изъ нея добрую половину и прочла.

Макарь писалъ ибжно, какъ голуби, о томъ, что не жбшало бы въ рѣкѣ Орвиоко развести руссоихъ шухъ для улучшения тамошняго рыбоводства.

А когда Макарь заикнулъ мой недоумивающій взглядъ, онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Я долженъ разгидитись! Я, долженъ стрѣлять только холостыми зарядами... Понялъ? Это—обязанность руссого публициста!

— Что ты говоришь?!—ужаснулся я.

— Холостой зарядъ столь же громокъ, какъ и боевой, но менѣе зловеренъ! Руссоіе публицисты должны разоружиться! Да здравствуетъ рѣка Орвиоко и ея рыбоводство!

Макарь засмѣялся. А отъ его смѣха мнѣ стало жутко. Мы расстались.

А—Ъ.

Завоеватели

Сначала мы хотѣли завоевать Дальній Востокъ яврымъ путемъ, сѣдла дивому: «безъ образомъ и безъ войскъ», затѣмъ попробовали сдѣлать это вооруженными силами, коимъ дивному: «съ образамъ и съ войсками»,—но оба способа намъ не удалось и использовали ихъ: лишь видигриеть «безъ образомъ» и Мальбургъ «съ образамъ».

ТЕРРИДОРЪ

Ночевка поэта.

Страничка из дневника поэта

Я начал писать стихи очень рано.
Мое первое стихотворение было очень кратко, но
выразительно.

Я пошел быть жаркой летней деви. Сказки свер-
жило. Мил долго не подвизала моей любимой кашки, и
я напрягалась. Мои пши, которую я звал «яшка»,
успокаивала меня.

А я гребанис и плакала и бодала носом.

А ноги яшка была подана, я проговорил:

— Нина-бика!

До сих пор вожаю, как моя мать бросилась ко
мне и стала меня целовать, утверждая, что я—пре-
длость и князьня. Нин кабинету приближалась пана и
басом синалду:

— Онь будет потомь и знаменитостью!

Бабушка разрыдалась от моей рефим. Тети стала
раскаивать про своего умершего на дуэли жениха,
который писал отвратительные стихотворения, восхвалял
небеса и страдал по временам заломом. Мало того:
она «янка» умалено удилалась и пророчила мне
большую литературную известность.

Моя рефим похвалилась и мне сажому, и при вся-
ком удобном случае, а особенно при гостях, а про-
рочка хвасталась своими способностями и говорила:

— Яшка-бика!

Потом я вырос. Мне исполнило 12 лет.

И я стал писать о «ней», о звездах, о розвах.
Реформовал «сладкие» и «любовь», «душа» и «сча-
стие» и «радости».

Мои стихов никто не печатал. Но надя жени
я плакала сама.

Потом жеб стало 16 лет.

У меня образовалась большой круг читателей—
они товарищи по школе. И реформовал для них «крас-
отка» и «сказка», «счастливые тени» и «ты все дро-
жишь». Печатать это было стыдно.

К 20-ти годам мои стихи наводмили во семье
Надсона, а конюток сблизил с мой брате усталый или
никого подобие.

Потом я все рос в реок. События проходили мимо.
Я отключался на каждое движение души, на каждое
биение сердца, отключался душой и сердцем и писал
свои произведения в редакции.

На меня не печатали, не печатали упрема.

Я отказывал свой стих, работал, трудился и к
30 годам достиг совершенства.

Теперь я реформовал «раба» и «гроба», пишу реформу
к слову «сказка», постигаю свободу, забываю о
личном счастье, пишу людей на бой, вступаю на не-
правдой, вступаю на работу.

Теперь я пишу стихи кровью сердца.

Но из редакция меня не печатают, и редак-
торы приходят в ужас от моих мыслей.

Но начать ли мне теперь свидания с «яшка-бика»,
с «сказка-красота», с детского детства?

Это, кажется, еще неуровню, и редакторам не при-
дут в ужас.

Только напечатать-ли?

ПЕРЕД ПРИЛИВОМЪ

Черныя волны съ краснымъ отливомъ
Выгуть, бѣгутъ...

Чайки п стоны надъ мертвыми заливомъ
И тамъ, и тутъ...

Гордыя рѣчи, побѣдные крики
Крикнутъ, растутъ.

Въ черныя волны безслыжные клики
Зовутъ, зовутъ.

Тучи свинцовыя мрачнымъ покровомъ
Ведѣ лежатъ.

Черныя волны катятся съ ревомъ
Впередъ, назадъ...

Берегъ таится и идетъ молчаливо,
Чего-то идетъ.

Близится мигъ возжеланный прилива...
Идетъ, идетъ...

Жутко и странно предъ грознымъ приливомъ
И тамъ, и тутъ...

Черныя волны съ краснымъ отливомъ
На насъ бѣгутъ...

Итого

— Во что обошлась история с «Потемкинскимъ»?

— По подсчету вапаша-Суворина: самъ бро-
ноносецъ—12 миллионовъ, убиты въ Одессѣ—
50 мил., сраму на 500 мил. Итого: 562 миллиона!

3 июля 1905 г.

З Р И Т Е Л Ь

Въ странѣ восходящаго солнца.

Различье сословий

Въ дачной житейности, весьма неблагоустроенной никакихъ признаковъ культуры. Ибо крышки печи согнаты, на дворахъ—невозможный запахъ, который обильно распространяется въ воздухъ и исходитъ отъ «будки», посвященныхъ азиатское имя.

Эти «будки»—самое важное жѣсто, на которое, однако, надо обращать вниманія; устранивъ ихъ просто; закрыть потайную яму, ставя въ чистоте пола и обшивая ихъ досками.

Посмотря на внешнюю культураность житейности, въ ней живете сознание о различіи «бѣлой» и «черной» жести и о преимуществахъ одного сословія по сравненію съ другимъ.

Сему доказательствомъ можетъ служить слѣдующій случай.

Пятий мальчишка, въ возрастѣ пяти лѣтъ, попалъ къ мухамъ, попалъ въ одну изъ «будокъ». Выбѣлъ онъ оттуда въ самомъ невозможномъ видѣ, и когда пришелъ къ матери, утирая слезы испачканными руками, то мать стала на него кричать:

— Ишь, чертенокъ, какъ изваляндился! Негодникъ ты такой!

И другимъ словами ругала его.

На что мальчишка, видя всего пять лѣтъ, отвѣтствовалъ:

— Чего, жамка, ругаешься? Скажи еще спасибо, что я въ менѣе чѣмъ попалъ!..

Вотъ гдѣ даже различіе сословій!

ТРУДЯЩІЙ

Въ конкѣ

— Двенадцать «коморетскихихъ» открытъхъ писемъ съ карикатурами—письмо въ банкъ!!! Поддержите коммерцію!

— А шивовскія есть?..

Сверчокъ

(Басня).

За печкой жилъ Сверчокъ
И, какъ порядочный, зналъ только свой шестокъ.
Заряченъ, бывало, итихомому
За глиняный горшокъ
И такъ трещить себѣ безъ толку.
О чемъ трещать?—сказать жалько не берусь.

Но, разубѣтенъ, хвалить онъ кухню Гусь
И такъ какъ гавни вѣтъ струнукамъ безпреставно.

То по шестку онъ прыгалъ живообразно...
Ну просто былъ Сверчокъ, какъ жей сверчки.

Однако, гавни да горшки

Ему порядкомъ надоѣли,

И мать Сверчокъ пустила нима трели:

Сверчокъ садумалъ вѣтъ,

Что не захватъ горшкамъ шивитъ,

Что стѣны димомъ прокутитъ.

Что настоятельно онъ чувствуетъ реформу.

И требуетъ для кухни новыхъ нормъ...

Такихъ рѣчей вслушавшись, струнуха,

Не знавшина свободномъ духа,

Поймала на шесткѣ Сверчка.

«Ишь расхрабился какъ! Поса

Ты гавни вѣтъ,—тебя торилъ,

Но ты ужъ слишкомъ обжигалъ

И, видѣто вредной каштанъ,

Пустилъ такіа трели,

Что оторонъ беретъ... Да какъ ты смѣлъ?

Какъ могъ рѣшиться, дерзкій,

На себѣ поступокъ мерзкій?»

Такую рѣчь уразумѣлъ Сверчокъ:

Натужился, какъ мось,

Въ рукахъ струнукныхъ забился.

Рванулся, затрепалъ,

Да сѣкъ своихъ не разчиталъ—

И въ нишъ киванія попалъ

И въ шухъ сварилъ...

Читатели! Будь же слишкомъ строгъ!

Я-бъ навѣвалъ мораль руками и ногами

И повѣсилъ бы, кто есть себѣ Сверчокъ,—

Да въ томъ-то и бѣда, что бантъ жена—горшокъ

Со шимъ...

ЧУЖЬ-ЧУЖЕНАМЪ.

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА

К 10-летию его смерти—2 июля.

Со стѣн на меня глядят скорбное, нѣжное лицо.

Молчаливый, тоскующий взгляд. Въ немъ такъ много затаенной скорби, мученичества!

Чеховъ! Его нѣтъ больше... Нѣтъ больше хмурить людей, нѣтъ футляровъ, нѣтъ сумерекъ жизни...

Смерть Чехова такъ странно совпала съ началомъ расцвѣта...

Смерть Чехова—грань нуднаго бытiя, тяжелой буржуазности.

Чеховъ, пѣвецъ реакціоннаго запустѣнія, не видалъ зачинающаго расцвѣта. Онъ не дожидъ до ясныхъ зорь, которые блеснули годъ тому назадъ вѣдать за его смертью.

Онъ умеръ. И наши радости не были его радостями, наши скорби не трогали его.

Онъ совершилъ великое: онъ показалъ, какъ мало воздуха въ сумеречномъ существованіи, какъ немного нужно людямъ, заключеннымъ въ футляры...

Чеховъ умеръ... Черезъ двѣ недѣли послѣ его смерти была еще смерть.

Годъ тому назадъ смерть Чехова поразила насъ своею неожиданностью. И умеръ Чеховъ, быть можетъ, съ сумрачнымъ сознаніемъ, что надежды на обновленіе нѣтъ, что футляры все круче и круче сжимаютъ жизни, что надъ русской дѣйствительностью проветаетъ ангелъ смерти...

И Чеховъ не могъ на страдать.

И теперь на меня со стѣнъ глядятъ скорбное, нѣжное лицо.

Великій печальникъ,—ему нѣтъ равнаго по чувствости, нѣтъ равнаго по любви, нѣтъ равнаго по таланту.

Дѣйствительность сплывитъ. Хмурые люди расправляютъ свою хмури, изъ футляровъ показываются живые лица. Они смотрятъ впередъ, въ грядущее.

Есть надежды, есть то, чего не было у Чехова. Жизнь черезъ двѣсти-триста лѣтъ будетъ неизмѣримо прекрасной. Вотъ—возвуть Чехова, вотъ его прорицаніе.

Онъ отдавалъ моментъ прекраснаго надого отъ насъ.

Ближайшее грядущее казалось для него темнымъ и хмурымъ.

Прошелъ годъ—и многое стало лучше, свѣтлѣе и чище.

Пауки прчнутся изъ паутины, востанъ розы, вѣтъ, слезы еще не высохли, но ихъ стирать...

Съ Чеховымъ умерли чеховскія сумерки, предутреннія сумерки.

На чеховскихъ произведеніяхъ нажились публицисты-издатели, торгующіе талантами и собою...

Бѣдный Чеховъ, его жизнь—сладкое мученичество. И не даромъ такъ стыдно намъ смотреть въ его глаза, затуманенные скорбью.

Что мы сдѣлали, чтобы вырвать его изъ цѣпкихъ лапъ торгашей?

Ничего! И умеръ Чеховъ, вѣри, что черныя сотни исчезнутъ съ лица земли не раньше, какъ черезъ двѣсти-триста лѣтъ...

КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Изъ книгъ.

Извѣстный фельетонистъ В. М. Дорожничъ выдаетъ «сборникъ своихъ сочиненій». Только что вышло III томъ.

Г. Дорожничъ пишетъ дивно, до большой популярности достигъ сравнительно недавно.

Отъ «Двадцатьтовокъ»,—сборника юмористическихъ разсказовъ, изданныхъ «Буддланавикомъ»,—до общественныхъ фельетоновъ, возматаншихъ въ «Россіи» и теперь выплывающихъ въ «Русскомъ Словѣ» и «Очерковъ Сахалина»—цѣлая бездна.

Интересна только этотъ послѣдній періодъ. Конечно, и въ немъ не все одинаково важно для автора и дорого намъ, современникамъ.

Что было хорошо на юмористическомъ тавотномъ листѣ, часто становится сухимъ и воздушнымъ въ книгѣ.

У г. Дорожничъ есть два большихъ плеса: остроуміе, впрочемъ, вѣрндо переходящее въ нѣжное остроуміе, и своеобразный стиль.

Небрежный, тусклый языкъ еярыхъ газетныхъ столбцовъ подъ его перомъ приобретаетъ ясность, популярность и законченность.

Какъ писатель, г. Дорожничъ не

лишенъ дарования; какъ фельетонистъ, онъ обладаетъ прозрачностью и рубиномъ пущивающихъ животнош, захватывающихъ тему.

Надо замѣтить, что далеко до настоящихъ беллетристовъ войны, когда официальные полатки и профессиональные дипломаты даже не могли и думать о какой-то «вечной» Ипошн, оъ одинъ провадиль коммуняность воображаемого столбоколенія и трубилъ объ этомъ неустанно.

Его не хотѣла слушать... Въ этомъ не его вина. Его голодъ былъ громокъ и силатъ... въ предѣлахъ цезауры, конечно.

Дѣ знавъ жолдъ рѣчи престога,

матной кожи, почти отсутствующая «одежда».

Но и у этого смелого бойца из сердец таятся «слабые любви, стидливой, ланной и плахой».

И Таш жадится ласкового взора

«Ибо — говорить оны — сердце мое,
словно рать без воздуха,

Без твоих погнать дучей».

Без сожаления, многим придется
за то вкусу боясь нестерпимости и
уверенности г. Таша.

Не всяк же воспылать «врасу
должна».

«Новаискии обстоятельство» не
позволяют никак применить по одной
поддержки из стихотворений Таша.

ПИСАНА

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Что можно написать о петербургском театре в началу июля! Правда, есть опера на Бессефовой, но это опера — Абулка, и не выводу русской оперетки и фарса, — вполне плоская, пошлая фарса, — и ничего не поемая в «искусстве» Дурака и его соперников.

И я мучительно занудно споему «Июль» г. Юр. Бланова.

Ему все доступно. Он все может. Ему не страшно даже и балет. Он убоится по костюмам, разберет не только женскую балетную, одну Петрову Му, но даже саком жася Абеселу Дурака.

Г. Бланов понимает толка из Елеви Препрасной и, думаю, не профан по части музыки.

Недавно Г. Бланов вынул из явну под названием «Мельница», в кто знает, на будущей год не будем ли мы любоваться из затравки пивных магазинов его новым «явну» «Теркуловский»!

И когда по стовит идти из театр, то приходится сидеть даже и переживать театральная режиссия.

Кажется Г. Бланов состоит из его театральные фельетоны, нехватившие раньше в «Новом Времени».

Но знаю, выбранным по только авторам удались статьи, где он ставило обвинения от гниа, из которой в свое время возродился читателю, — во только обвиняла, даже выходя извинения провинить, хотя и впадало действительное, но все таки до впадения степени правдивого впечатления.

Г. Бланов несомненно талантливый в одном отношении и все дошло своеобразно убогие писать.

Он любит театр. Он страстно отоживается поглядеть живых, и театральная душа любителя театральная искусства.

Но за словом Г. Бланов стовит вбеге, из нехд привира «Новое Времени».

Оно обманчиво. Оно требует понимания и видения в его театру. И восторженно поклонник Мельнице писать («Вопрос»):

«У А. С. Суворина конча предельная героика».

Зовут ее Варей Болотовой.

Она из той семьи героика, откуда одна из другой вышла Медя в Татьяна Ринак».

Как тонка! И новую драму похвалила, и старая по выбол, и хожку удовлетствие сдвигала.

Приходит чувствовать себя «удушающе», быть строгим из чужому театру и миле улыбаться своим.

Конкуренция требует борьбы, и надо карать чужака, брати важным у старух критиков потухшие перуны и браться, как в дешевой трактатуры.

Испанится грустно Г. Бланов. Если бы ему позволили писать с друзьями, более позволенным, более честным образом, из него выжал бы жуть хотя не глубокую, но интересный театральный критик, восторженный и безкорыстный друг театра.

Но и друзья органика печали ему жить миста.

Прожелажуо вистея, что М. И. Ермолова остануть сцену.

Радиваться этому или печалиться?

Гляз Ермолова — великая русская трагическая актриса. В ее история нашего театра ею неслышны блестящая странница.

Ее искусство выстроение огромны.

Не будь ее, быть может, наш театр не сразу бы своевременно съ деревя дворянского ложко-классикина.

Не выгорела она — это было 30 января 1876 г. — случайно, во бытания Г. Н. Одетовой, из пидр кордебалета Овалей Галоты. — мы а до сих пор наслаждалась бы из театр вышаниями на французский язык.

Ермолова — первая артистка драматического репертуара, который возвел из русскую живых, жибет с литературой «травной правды» и картинная переживания...

Как это было давно и как все неизбежно...

Это уже история «Травная правда» с тех пор подверглась сожалению, а переживания с герцою из сердит и в старчество безвиль угнать свои конный другам.

И она одна, Мельникова русской сцене, стовит, казалас, великолепно...

Но слава ведомство педагогична.

Она умирает так же быстро, как начинала жить, красной ностом, как стиралась с лица румяна и краски.

Но слава Ермоловой вечна. Уже более 30 лет искусства главенствует на сцене Малого театра. Если Московский Малый театр — сдмъ Шенкина, то она столько же, если не больше, «Дом Ермоловой».

А великим годам быть свое. Наступал такая пора, когда перед артисткой сама собой встала дилемма: кончить сцену или перейти на другое явну.

Последно в свое время избрала Г. Н. Одетова.

Но вить же очень мало ролей для трагических «старух»... Драматурги должны давать героика сдмъ илье молодых людей.

Для артистки, неважно ли пережить на сцене 30 лет, тяжело а мучительно перейти на втора ролю. Нограммична власть блугает и портит человек.

Но во ней, впадать, будут и отстранять встроужать, а ей самой придется подивить под душой голос.

Конечно, с-жа Ермолова может еще остануть из Малого театр, играть в тех немощных ролях, которая пока еще подходит к ее искусству. Назр, парну Зейла из «Намба» ка. Султанова.

Но конечно «единственная» артистка долба быть юная.

Ермолова всю себя отдала театру, много поработала, но много и получила на это преклонные тоды, истеричными посылки картин, пласты и слава...

Теперь она поняла, что надо уйти, надо дать дорогу другим, молодым, сдмъ. Пусть и она сплукт свое.

Правда, сейчас вить ей восторженно променяю, но и не могло быть. Гдй вистать одно слово, так же конит другому.

Но дайте же маленькую возможность, ослабте пути, и талант, молодой, чистый, сдмъ, предаетея пред нами...

Вот почему мы приветствуем от чистого сердца мудрое решение великой трагической русской артистки.

ЛЮБОМЪТЪ.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГГ. АВТОРОВЪ.

Голландія «Зрители» получаютъ очень много статей, заметокъ, статейшорей и т. п. Мы очень признательны гг. авторамъ за ихъ симпатію къ нашему изданію. Но мы не можемъ не обратить ихъ вниманія на одну подробность журнального дѣла.

Въ отрывкѣ гдѣ личность рабочего стоитъ за должной вышоты, гдѣ къ труду существуетъ благоговѣнное отношеніе, какъ, напримеръ, въ Англіи, и гдѣ благодаря отъому, производительность трудовой дѣятельности людей даетъ наиболѣе осязательные результаты, тамъ и работники обходиваются одною мыслію:

Работая, сдѣлать работу другой.

Потому тамъ совершенно невымыслимо получение редакцій такихъ рукописей, которыя неудобочтеными, которыя набросаны на влохцахъ бумаги немнѣжъ потеркомъ и т. п. Тамъ отъ рукописей требуютъ тщательности, и авторъ старается къ тому, чтобы ихъ рукописи были переписаны на пишущихъ машинкахъ.

Требуютъ отъ него отъ русскихъ авторовъ неона не представляется возможнымъ. Но желательно, чтобы гг. авторы не забывали улоной трудъ наборщиковъ, которые получаютъ сдѣлаю, за тысячу буквъ, опредѣленный и очень небольшой гонораръ. И, сдѣлательнаго, чѣмъ больше разборчивѣе рукописи, тѣмъ больше производительна работа наборщика.

Очень хотѣлось бы сдѣлать прекраснѣе образцы Запада.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Галаганъ, В. Экономическое и право въ Россіи съ XVIII вѣка.—1 р. 25 к.

Гуго, К. Новѣйшія мѣны въ политическомъ корольствѣ самодержавіи. Пер. съ нем. подъ ред. Д. Протопопова.—1 р. 50 к.

Дружининъ, И. П. Русское государственное устройство и правовое право въ политическомъ изложеніи.—2 р. Учеб. Кем. И. Н. Пр. изобрѣна для учебн. старш. курсовъ, библи. средн. учебн. завед. для учебн. городовъ и сельск. школъ и для безплатныхъ учебныхъ.

Содержаніе Предисловіе.—Законы уголовныя на нарушеніе правъ и обязанностей собственности.—Законы о состоящихъ и изъ уголовнаго оубра.—Законы гражданскіе и ихъ уголовнаго оубра.

Обрѣнокъ объединеннаго королевства изданы. Вып. первый. Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова.—1 р.

Содержаніе М. Ковалевскій. Ориентальное историческое праводѣланіе.—Ю. Гамбаровъ. Право въ его основнѣхъ моментахъ.—Н. Новгородцевъ. Право и нравственность.—С. Будгаковъ. Хозяйство и право.—А. Горбуновъ. Развитие государства въ Западной Европѣ.

Земель, А. Обрѣнокъ основнаго законодательнаго права. Пер. съ фр. подъ ред. Н. Дервизанова.—1 р. 75 к.

Ивановъ, П. Экономическое, правовое и политическое основаніе правового метода законопр. реформы. Перен. съ 16-го нем. изданія.—1 р. 25 к.

Мининъ. Исторія французской революціи. Вып. 4-е. Пер. подъ ред. и съ предисл. К. К. Арсеньева. Печатано безъ переизд. съ 1-го рус. изд.—1 р.

Новое изданіе О. Н. Поповой дается на 1 руб. 30 центовъ, дается, на которыхъ издѣланы всѣ дополненія «Исторія французской революціи» Мининъ, значительнаго оубрательнаго статьи К. Арсеньева и велико выдержекъ изъ «Революціи» Кавѣ. Статьи К. Арсеньева представляютъ обстоятельный и подробный отрывокъ литературы предмета. Въ выдержкахъ изъ Кавѣ ичана мѣсто лучшаго характеристичнаго и размышленія въ прекрасной оубрательности французскаго учебнаго.

Свинъ, Дж. Р., проф. Разширеніе англійской оубрательности. Пер. съ англ. В. Я. Герда.—2 руб.

Соревъ, Э. Исторія Англии оубра 1815 г. до смерти Виктора-Эммануила. Пер. съ фр. М. Чепишскаго. Изданіе В. Водовозова. Оубра послѣднѣхъ соборій.—1 р. 50 к.

Тричезскій, А., проф. Германія политическая революціи и съ объединеніемъ.—1 р. 25 к.

Чапинскій, А. Оубра. Исторія Современнаго Швейцаріи Оубра. Англичан (1705—1865 г.). Переводъ съ англ.

А. Камовскаго. Съ приложеніемъ, 3-я картажи и русскаго библіографія.—1 р. 50 к.

Шерръ, Г. Англійскія оубрательности. Историческій отрывокъ 1848 года. Пер. съ англ. Вып. 2 т.—3 р. 50 к.

Шинниковъ, С. С. Соборныя оубрательности. Въ двухъ томахъ. Оба тома 1 р.

Содержаніе Т. Г. Историческія судьбы женщины, дѣтубителіе и проституція. Исторія русской женщины.—Т. П. Историческіе очерки: Старая и новая Испанія.—Судьбы Ирландіи.—Эммануилъ Боракъ.—Госетія преста въ Англіи.—Нѣсторическіе очерки: Русскія революціи.—Политическая исторія оубрательности.—Рабство въ Бразіліи.—Сабраеки влодомъ XIX столѣтія.—Русско-Американская Компанія.—Иранскій оубра въ 1768—1769 гг.

Шелутоинъ, И. Соборныя оубрательности. Вып. 3-е, дополнено, въ 3 т.—5 р.

Тугари-Барановскій, М. Духовнаго кризиса. Оубра въ оубрательности исторія Англіи. 2-е совершенно переизданное изданіе.—2 р. 25 к.

Содержаніе: Часть первая. Теорія и исторія кризиса. I. Основныя причины кризиса въ капиталистическомъ хозяйствѣ.—II. Общій оубра развитія англійской промышленности со второй четверти этого вѣка.—III. Кризисъ второй четверти этого вѣка.—IV. Кризисъ 50-хъ и 60-хъ годовъ.—V. Периодическая казнь промышленности въ капитальное время.—VI. Причины периодичности кризиса.—Часть вторая. Социальное значеніе кризиса. I. Начало оубрательнаго кризиса въ народномъ хозяйствѣ.—II. Чартизмъ.—III. Халловскій оубра.—IV. Новѣйшія дѣянія безработныхъ.—Заключеніе.

Тугари-Барановскій. Русскія фабрики въ оубра оубра и оубра. Историко-экономическое издѣланіе. Томъ I. Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. 2-е, значительно дополненное изд.—3 р. 50 к.

Гуго, Викторъ. Несчастныя (оубраженныя). Пер. съ фр. О. Н. Поповой и А. Н. Зингаларды.—3 руб. Новое изданіе этой издѣланной книги съ оубра оубра русскій переводъ издѣланъ безъоубра желательнаго.

Гуго, Викторъ. 93-й годъ. (Библі. «Друтъ»). Пер. съ фрэн. С. Круковскій.—1 р.

Сеншвальскій и съ оубра. Составила О. Н. Попова. Съ 5 рис. и 2 карт.—30 к.

Сринглатскій, К. В. Публичное право въ Финляндіи. Издѣланіе докторна, дачнаго и законнаго оубра Карелии, Саволякка, Ингеліи, Керенной Финляндіи, Сатакумми, Тавастлянда и Эстерботни.—3 руб. 27 центъ, и краткаго словаря русско-финно-французскія оубра.—2 р. 50 к.

Выписывающіе отъ Книгоиздательства О. Н. Поповой, Сиб. Невскій, 54, за пересылку не платятъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Художественный отдѣлъ:		Завоеватели	Стр. 7
Оригинальные рисунки	Стр. 1 и 9	Страница изъ дневника поэта	» 8
» вignetки и заставки 3, 5, 6, 7, 8 и 10		Передъ приливомъ	» 8
Литературный отдѣлъ:		Итоги	» 8
Поэтическое сравненіе	Стр. 3	Различіе сословій	» 10
Новый отдѣлъ	» 3	Въ концѣ	» 10
Отрывки изъ суворужской переписки	» 4	Сверчокъ (басня)	» 10
Новая вѣсти объ эскадрѣ	» 5	Памяти А. П. Чехова	» 11
Вѣроны и Соловьи	» 5	Критическіе этюды	» 11
О рѣкѣ Оурино и рыбодобствѣ въ оной.	» 6	Театральное обозрѣніе	» 12
		Недѣля зрителя	» 14
		Объявленія	2, 15 и 16

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

И Л

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЗРИТЕЛЬ“

Журналъ выходитъ по воскресеньямъ.

Цѣна отдѣльнаго номера—5 копѣекъ.

3 рубля съ доставкой и пересылкой.

Годовая цѣна—2 руб. 50 коп.—безъ доставки и пересылки.

Цѣна до конца текущаго года 2 рубля.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ
О. Н. Поповой, Невскій проспектъ, 54.Въ составъ редакціи входятъ: Ю. К. Арцыбушевъ, Г. Е. Гинцъ,
Н. Я. Каганъ, Н. П. Фалѣевъ.

Редакція для личныхъ объясненій открыта по пятницамъ отъ 6 до 8 час. веч.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію, должны быть за подписью автора и съ обозначеніемъ его адреса.
Желательно получить редакціонной отвѣтъ благодарности, приславъ почтовую марку соответствующаго достоинства.

По поводу всякой рукописи, присланной въ редакцію, даніе въ редакцію объясненій не позже, какъ черезъ недѣлю послѣ ея доставленія.

Вѣ рукописи и всякіе записки должны быть адресованы въ редакцію:

Спб., Каменноостровскій, 13.

Телефонъ 4243.

Редакторъ-издатель Ю. К. Арцыбушевъ.

Плата за помѣщеніе объявленій въ «ЗРИТЕЛЬ» передъ текстомъ
30 коп. строка петита, послѣ текста 20 коп.